

УДК 314.2; 314.06; 314.145

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-7

Теоретическая статья

Рославцева М. В.

**К вопросу о демографическом поведении мигрантов
из стран Северной Евразии в России:
теоретический подход**

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН,
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
maria.roslavtseva@yandex.ru

Аннотация. В рамках статьи формулируется определение понятия «демографическое поведение мигрантов» с помощью теоретического анализа его смыслового содержания. Подчеркивается, что оно обусловлено взаимодействием с инокультурной средой, что накладывает специфику на стратегии демографического поведения. Были выявлены особенности брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения мигрантов в первую очередь из стран Северной Евразии в Россию. При изучении брачного поведения разграничиваются браки иностранцев и смешанные союзы. Репродуктивное поведение исследовано в том же ракурсе, но в то же время включает сравнение числа матерей и отцов–иностранцев, и кроме всего прочего территориальную специфику. Самосохранительное поведение рассмотрено с позиции трудностей, которые возникают у мигрантов. По итогам теоретического анализа было сформулировано тематическое определение исследуемого понятия. Предлагается рассматривать демографическое поведение мигрантов как совокупность брачных, репродуктивных, семейных и самосохранительных установок и практик, сформированных под влиянием культуры страны исхода, институциональной среды принимающего общества, статуса и степени адаптации мигранта. В материалах используются вторичные данные статистических и социологических исследований. Сформулированное определение и описание структурных элементов демографического поведения мигрантов могут быть использованы как теоретическая основа для разработки эмпирических исследований этой темы.

Ключевые слова: демографическое поведение; миграция; адаптация; рождаемость; брачное поведение; репродуктивное поведение; самосохранительное поведение

Благодарность. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 25-28-02801 «Специфика региональной инфраструктуры и локальный социокультурных практик в формировании моделей демографического поведения мигрантов в субъектах Российской Федерации».

Информация для цитирования: Рославцева М. В. К вопросу о демографическом поведении мигрантов из стран Северной Евразии в России: теоретический подход // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 103-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-7.

Maria V. Roslavl'tseva

On the demographic behavior of migrants from the countries of Northern Eurasia in Russia: a theoretical approach

Institute of Social Demography, FCTAS RAS,
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
maria.roslavl'tseva@yandex.ru

Abstract. Within the framework of the article, a definition of the concept of “demographic behavior of migrants” is formulated through a theoretical analysis of its semantic content. It is emphasized that it is conditioned by interaction with a foreign cultural environment, which imposes specifics on demographic behavior strategies. The peculiarities of the marital, reproductive and self-preservation behavior of migrants, primarily from the countries of Northern Eurasia to Russia, were revealed. While studying marital behavior, foreign marriages and mixed unions were distinguished. Reproductive behaviour was also studied from this perspective, including a comparison of the number of foreign mothers and fathers, as well as territorial specifics. Self-preservation behavior is considered from the perspective of the difficulties that migrants face. Based on the results of the theoretical analysis, a thematic definition of the concept under study was formulated. It is proposed to consider the demographic behavior of migrants as a set of marital, reproductive, family and self-preservation attitudes and practices influenced by the culture of the country of origin, the institutional environment of the host society, the status and degree of adaptation of the migrant. The materials use secondary statistical and sociological research data. The formulated definition and description of the structural elements of migrants’ demographic behavior can be used as a theoretical basis for developing empirical studies on this topic.

Key words: demographic behavior; migration; adaptation; fertility; mating behavior; reproductive behavior; self-preservation behavior

Acknowledgement. The study was funded by a Russian Science Foundation grant (No. 25-28-02801) entitled “The specifics of regional infrastructure and local sociocultural practices in shaping models of migrants’ demographic behaviour in the constituent entities of the Russian Federation”.

Information for citation: Roslavl'tseva, M. V. (2026), “On the demographic behavior of migrants from the countries of Northern Eurasia in Russia: a theoretical approach”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 103-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-7.

Введение (Introduction). Предметом настоящего исследования является теоретическое осмысление демографического поведения мигрантов. Выбор области исследования продиктован тем, что оно отличается от стратегий демографического поведения местного населения. Мигрант сталкивается с бытовыми и социокультурными сложностями, которые обуславливают траектории построения демографического поведения. Он является выходцем из иной социокультурной среды, где имеются свои ценностные установки на построение института семьи и стратегий демографического поведения. Таким образом, в принимающем сообществе начинает появляться все больше альтернативных стратегий, а также происходит изменение его половозрастной структуры. Демографическое поведение как комплексное понятие в целом и его проявление у мигрантов является малоизученным в современной демографической науке. Проблема исследования состоит в том, что в настоящее время в

науке нет определения демографического поведения мигрантов как особого аналитического объекта. Цель работы – проанализировать актуальные исследования об основных структурных компонентах демографического поведения и на основе них сформулировать его определение с учетом специфики для мигрантов. Сформулированное определение, а также систематизация специфики демографического поведения мигрантов в рамках настоящего исследования могут, с одной стороны, быть использованы при дальнейшем теоретическом анализе брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения мигрантов, а с другой стороны – служить основой для разработки инструментария полевых качественных и количественных исследований, составленного на основе полученных выводов.

Методология и методы исследования (Methodology and Methods). В качестве методологии настоящего исследования был использован анализ теоретических источников с целью концептуализации понятия “демографическое поведение мигрантов”. Прежде всего, нами были определены ключевые особенности поведенческих стратегий мигрантов, на которые влияет специфика донорской и реципиентной среды миграционных процессов. Поведенческую специфику необходимо учитывать, потому что исследуемое нами понятие является неотъемлемой частью общей картины поведения мигрантов в принимающей среде.

Нами были отобраны актуальные научные статьи ведущих российских авторов по проблематике брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения, а также исследования, затрагивающие аспекты семейной жизни мигрантов. Статьи содержали как теоретическое осмысление исследуемых аспектов понятия, так и эмпирические данные, позволяющие выявить специфику демографического поведения этой группы.

Исходя из проведенных актуальных статистических и социологических исследований, нами были рассмотрены различные аспекты изучаемого поведения мигрантов. Брачное поведение рассмотрено нами с точки зрения изучения союзов, состоящих не только из самих мигрантов, но и смешанных браков между мигрантами и представителями принимающего общества. При рассмотрении репродуктивного поведения нами также обращено внимание на мигрантские родительские паттерны и специфику смешанных родительских пар. Отдельно нами была рассмотрена региональная специфика брачного и демографического поведения мигрантов внутри нашей страны. Самосохранительное поведение изучено прежде всего под углом тех сложностей, рисков и ограничений, которые миграционные ситуации оказывают на воспроизводство основных здоровьесберегающих и жизнеспасающих практик. Стоит также указать, что мы придерживаемся более узкого подхода к пониманию демографического поведения, который не включает миграцию, поскольку мигранты являются объектом настоящего исследования.

Стоит также отдельно упомянуть, что нас прежде всего интересовали те исследования и работы, которые посвящены миграции из стран Северной Евразии в Россию, поскольку эти страны являются преимущественными странами-донорами мигрантов. Систематизация статей по основным положениям позволила нам синтезировать различные подходы к исследованию демографического поведения мигрантов, а также различных его аспектов. Таким образом, основными методами, применяемыми в рамках настоящей статьи, являются анализ текстов, синтез и систематизация.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Одним из наиболее важных аспектов миграционного поведения людей является процесс их адаптации и интеграции в принимающем сообществе или возможный отказ от такового (Илимбетова, 2021). Адаптация и интеграция не являются самостоятельным предметом настоящей статьи, однако выступают важным контекстом демографического поведения мигрантов. Степень включенности мигранта в принимающее сообщество, устойчивость его социально-экономического положения, характер культурных и нормативных взаимодействий влияют на брачные, репродуктивные и самосохранительные стратегии. Поэтому адаптацию и

интеграцию целесообразно рассматривать не как отдельный сюжет, а как один из факторов формирования демографического поведения мигрантов. Ученые определяют процесс социальной адаптации как многоаспектный, связанный с интеграцией индивида, выражающийся в состоянии внешнего и внутреннего равновесия социальных и социокультурных отношений мигранта и среды в регионе его пребывания. Процесс адаптации мигранта обладает своими ключевыми показателями, которые включают в себя готовность к ведущей деятельности, включенность личности в различные социальные группы в рамках новой социокультурной среды и эмоциональное самоощущение индивида (Мокин, 2007).

В. Ю. Леденева выводит авторскую типологию адаптационных процессов в рамках миграционного поведения. В эту типологию входит первичная социализация мигранта, его экономическая и политико-правовая адаптация, а также биологическая, или медико-биологическая, и географическая адаптация (Леденева, 2015). Также автор в рамках своих исследований миграционных процессов выделяет две разновидности адаптации: полная и частичная (Кононов, Леденева, 2021).

Выделяют следующую типологию интеграции в рамках миграционного поведения: культурная, нормативная, коммуникативная и функциональная интеграция. Культурная интеграция отражается наличием согласованности в поведении индивида среди различных культурных образцов, норм и стандартов. Нормативная интеграция содержит в себе скоординированность культурных стандартов и действий людей, то есть в этом случае социальные нормы институтов принимающего сообщества находят отражение в повседневной деятельности. В рамках коммуникативной интеграции мигрант становится способен к обмену информацией и культурными символами, что выражает его осведомленность в рамках принимающего сообщества. Наконец функциональная интеграция выражается в том, что у мигранта оформляется его стабильная ведущая деятельность. Например, если мы говорим о трудовой миграции, то индивид становится способен к участию в экономической сфере принимающего сообщества, обмену товарами и услугами. Однако, в зависимости от изначальной цели и типологии миграции, функциональная интеграция может принимать различные формы (Юдина, 2006: 120).

В контексте исследования поведения мигрантов успешная адаптация и интеграция чаще всего означает их непосредственное участие в социальной жизни своего ближайшего окружения в принимающей среде. Это, в свою очередь, может коррелировать с их стремлениями по повышению своего уровня образования, построению карьерных траекторий, определенного положения в рамках социальной стратификации принимающего сообщества. Для настоящего исследования успешная адаптация интересна тем, что включенность индивида в социальные группы принимающей среды может служить важным фактором демографического поведения и быть стимулом для создания и расширения семьи как в рамках межэтнических союзов, так и в рамках своей этнической группы.

Изучение брачного поведения мигрантов является важной темой исследования в миграциологии (Сигарева, Сивоплясова, 2022; Пешкова, 2023, 2025; Эндрюшко, 2023) и др. Под ним понимают ряд установок, мотивов и практик, которые определяют у мигранта выбор партнера и семейных форм, а также динамику их формирования в рамках миграционной ситуации (Турдимуратова, 2026). Прежде всего, стоит отметить, что при исследовании брачного поведения мигрантов выявляют два основных вида: брачные союзы между мигрантами и с местным населением, которые также называют браками с иностранным компонентом (Сигарева, Сивоплясова, 2022).

Обращаясь к российской специфике, стоит отметить, что большое количество исследований посвящено странам Центральной Азии, таким как Кыргызстан и Таджикистан

(Пешкова, 2023, Сигарева, Сивоплясова, 2022). Существуют большие сложности в статистическом учете брачного поведения мигрантов. Доля межэтнических союзов в период 1990-х годов составляла примерно 12% (Пешкова, 2023), а количество браков с иностранным компонентом равнялось примерно 7,5% (Сигарева, Сивоплясова, 2022). Для этого периода оценки затруднительны в силу отсутствия необходимых статистических данных. По различным оценкам доля таких союзов в официальной статистике все еще неполная, а их число может достигать 25% (Эндрюшко, 2023). За счет того, что по результатам исследований, доля этнически смешанных домохозяйств достигает примерно четверти, это позволяет сделать вывод о том, что число смешанных браков аналогично (Население России..., 2009). Интересным представляется исследование историй женщин с российским гражданством, находящихся в браке с мигрантами Пешковой В. М. (Пешкова, 2025). Автор отмечает, что местный партнер в таких союзах становится не просто супругом, но и проводником и помощником в адаптационных стратегиях. В смешанных браках часто подозревают фиктивность по этой причине. В ходе исследования было выявлено, что встреча мигранта и его будущей русской супруги происходит в различных социальных контекстах, что свидетельствует об интегрированности мигрантов в различные сферы жизни. Такие союзы часто строятся благодаря женской инициативе и заинтересованности. Принятие ислама является обязательным ритуалом для допуска к заключению брака, который позволяет родственникам мужа принять инокультурную супругу. Со стороны женщины родственники, основываясь на стереотипах, изначально негативно воспринимают мигранта как ее потенциального супруга, но при дальнейшем общении напряжение снижается. Влияние родственников мужа на брак сильно зависит от ситуации и обусловлено прежде всего дистанцией и дальностью физического проживания. Еще одним путем легитимации смешанного брака в социальном окружении является деторождение. Что касается взаимоотношений супругов, то культурные различия могут становиться почвой для недопонимания, однако женщины отмечают возможность достижения компромисса.

В другой работе автор конкретизирует понятие мигрантской семьи. Под ней могут понимать транснациональную семью, которая может являться семьей, разделенной государственными границами (дистантная семья) или семьей, имеющей миграционную историю. Мигрантская семья также может подразумевать появление параллельной семьи у мигранта в регионе пребывания. Также к мигрантским семьям принято относить фиктивные союзы, заключенные с целью упрощения юридических аспектов адаптации мигранта. Наконец, отдельно в это понятие включают обычную семью, состоящую из брачного союза мигрантов и их детей. Это, как правило, моноэтнические нуклеарные семьи, которые переехали сюда совместно с детьми, либо родили их уже в регионе пребывания. Исследователь также отмечает, что мигрантские семьи вне зависимости от их формы испытывают большие барьеры и сложности в повседневной жизни, связанные с необходимостью сочетания культур. В то же время наличие семьи является мощным стимулом для адаптации и интеграции в принимающую среду. В настоящее время мигрантская семья склонна двигаться от традиционной модели к более секулярным вариантам семейной жизни. Однако становится распространенной также тенденция, где мигранты отдают предпочтение религиозным бракам вместо официальных союзов (Пешкова, 2023).

Среди исследований, осуществленных методом экспертного опроса, стоит отметить работу Г. Р. Турдимурадовой (Турдимурадова, 2026). Несмотря на неполноту описания полученных данных, представляется возможным оценить разницу в оценках экспертов мотивации к вступлению в брак у российского населения и приезжающих мигрантов.

Очевидно, что брачные мотивы мигрантов видятся экспертами как более прагматичные. Эксперты менее склонны располагать мотив бракосочетания на основе эмоциональной привязанности у мигрантов как основной, выделяя в качестве приоритета экономическую стабильность, легализацию статуса и социальную интеграцию мигрантов. Создание семьи и рождение детей является одинаково приоритетной целью брака у обеих групп. Роль культурных и религиозных традиций как движущие силы брачного поведения эксперты примерно одинаково оценивают для россиян и мигрантов – на 7 и 8 баллов из 10 соответственно. Однако для второй группы они все же являются более приоритетными.

В научной литературе исследование брачного и репродуктивного поведения мигрантов чаще всего осуществляется комплексно. Репродуктивное поведение мигрантов при этом подразумевает систему действий со стороны мигранта и его отношений, которые выражаются в рождении определенного числа детей или отказе от деторождения (Осадчая, Юдина, Кочербаева, 2023). Работы Е. П. Сигаревой и С. Ю. Сивоплясовой изучают иностранную брачность и рождаемость как абсолютные и относительные показатели у лиц с иностранным гражданством или с наличием иностранного компонента (Сигарева, Сивоплясова, 2022). Авторы отмечают, что (смешанные по гражданству союзы) не превышают 7,5% в период с 2016 по 2018 гг. Изменения в этом показателе произошли в 2019 г. в связи с пандемией коронавируса, и доля иностранных браков в общем числе снизилась менее чем до 5%. Параллельно с этим увеличилась доля брачных союзов с неуказанным гражданством на сопоставимое с этим значение. Более всего снизилась доля тех браков, где невеста является иностранкой. Соответственно, пандемия внесла коррективы в брачное поведение прежде всего женщин-мигранток.

Что касается исследования репродуктивного поведения, то здесь авторы также проводят подробный количественный анализ. Они отмечают, что почти 13% всех рождений приходится на гражданство родителей, которое невозможно установить. За 2020 г. иностранцами было рождено 1,5%, а смешанными союзами было рождено 3,1% от общего числа рождений – в сумме 4,6% или 57 тыс. детей. По федеральным округам в рождаемости иностранцев имеются различия почти в 5 раз: в Северо-Западном федеральном округе доля таких рождений достигает 7,2%, а в Северо-Кавказском – 1,5%. Прежде всего иностранная рождаемость сосредоточена в Центральном федеральном округе. В зависимости от субъекта отличается число матерей и отцов в рождаемости с иностранным компонентом.

Альтернативой официальной статистике в качестве источника информации о брачном и репродуктивном поведении мигрантов являются социологические исследования. Согласно данным нерепрезентативного опроса Г. И. Осадчей, проведенного методом снежного кома, порядка четверти респондентов приезжают в московский регион уже находясь в зарегистрированном браке и примерно такое же количество являются холостыми, порядка 12% сожительствуют (Осадчая, Юдина, Кочербаева, 2023). Большая часть мигрантов является потенциальной частью брачного рынка московского региона. Более 35% мигрантов при этом приезжают в Москву в одиночку, а чуть менее четверти – с семьей. Исследователи также отмечают случаи, при которых мигранты заключали новые союзы при наличии семьи на родине. Порядка 20% опрошенных отметили, что сталкивались с таким либо лично, либо через своих знакомых.

Что касается воспроизводства населения, то в рамках исследования большинство опрошенных мигрантов репродуктивного возраста от 18 до 45 лет имели 1 или 2 ребенка, что в целом соответствует модели воспроизводства местного населения. Однако в сравнении с местными жителями, наличие трех и более детей в 3 раза чаще встречается именно у мигрантов. Молодые мигрантки имеют более ранние рождения первых и последующих

детей. В отличие от местного населения мигранты чаще говорят о том, что расширенная модель воспроизводства является идеальным числом детей для их семьи. Трех и более детей хотели бы иметь 42% мигрантов против 17% жителей столицы. Среди мигрантов и москвичей этот вопрос часто вызывал затруднение, что может говорить о том, что мигранты приезжают сюда прежде всего с трудовой целью, не задумываясь о перспективах построения семьи. Авторы подтвердили гипотезу о том, что семьи мигрантов больше строятся на традиционалистской системе отношений, уважении старших и лидерстве представителей мужского пола в решении семейных вопросов. Логично, что представители московского региона гораздо активнее проявляют интерес к равной модели супружеских отношений, где нет четкого лидера и вопросы решаются коллегиально.

В теоретическом анализе исключительно репродуктивного поведения мигрантов можно выделить три основных гипотезы. Первой из них является гипотеза адаптации, суть которой заключается в том, что мигранты постепенно меняют свою репродуктивную модель, приближаясь к паттернам местного населения. Вторая гипотеза носит название гипотезы социализации и отмечает, что ключевым фактором при выборе репродуктивной модели будут те установки, которые усвоены мигрантом в детстве. Третьим вариантом объяснения репродуктивных стратегий мигрантов является гипотеза разрыва, которая акцентирует внимание на внешних обстоятельствах рождения и на том, способствует ли новая среда преодолению постмиграционных трудностей и мотивации к рождению детей (Казенин, 2017). В качестве объяснения отдельных случаев для конкретных стран и гражданств мигрантов, как правило, используется сочетание этих гипотез, поскольку ни одна из них не обладает полной объяснительной силой.

Среди авторов, описывающих репродуктивное поведение мигрантов для России, можно отметить Е. В. Тонких и В. М. Пешкову (Тонких, Пешкова, 2025). В рамках своих исследований они используют два основных источника информации о рождаемости мигрантов – базы данных управления статистики населения и здравоохранения РФ. Первый из них содержит информацию о числе родившихся по гражданству матери и отца за 2011-2023 гг., а второй – об абсолютном числе родившихся по происхождению родителей за 2015-2023 гг. Данные за более поздние года в настоящее время отсутствуют, и не у всех родителей указано гражданство или место происхождения. Сведения отсутствуют у 1% матерей и порядка 12% отцов.

На матерей-иностранок приходится порядка 4% всех ежегодных рождений, и порядка 15% рожденных детей от отцов иностранцев в среднем за исследуемый период. Абсолютное число рожденных детей за исследуемый период снижается, однако среди женщин с гражданством стран СНГ этот показатель за то же время увеличился в 1,75 раза, а среди отцов-граждан СНГ в 1,8 раз. Эти данные наиболее ярко демонстрируют специфику репродуктивного поведения мигрантов, при котором их модели воспроизводства не всегда склонны воспроизводить паттерны местного населения. При общем снижении рождаемости, доля мигрантских рождений увеличивается, что может быть обусловлено увеличением их числа в принимающем сообществе, а также воспроизводством более традиционалистской, расширенной модели рождаемости. В Россию прежде всего осуществляется трудовая миграция молодых мужчин репродуктивного возраста, что, как уже было рассмотрено выше, может приводить к заключению союзов с иностранным компонентом и является причиной рождения большего числа детей от мужчин-иностранцев, нежели чем от женщин.

Наибольшая доля рождений негражданами РФ приходится на Дальневосточный федеральный округ, где доля таких родителей достигает почти четверти как среди матерей, так и среди отцов. Меньше всего доля иностранных рождений составляет в Южном

федеральном округе и Северо-Кавказском федеральном округе, где доля родителей иностранцев не превышает 7,5%. Среди регионов, где доля иностранных рождений растет активнее всего, выделяется Сибирский федеральный округ и Центральный федеральный округ. В первом случае доля родителей-иностранцев увеличилась примерно на 18% ежегодно, а во втором – на 30% ежегодно.

Другое исследование Тонких Е.В. содержит анализ дополнительных источников мигрантской рождаемости – акцент сделан на данных переписей населения 2010 и 2020 гг. (Тонких, 2024). За десятилетие вклад кыргызов, узбеков и таджиков в рождаемость вырос на 0,1, 0,2 и 0,3%, соответственно. Ключевой вклад в рождаемость у центральноазиатских мигрантов связан с рождением вторых, третьих и четвертых детей. Таким образом, у представителей Центральноазиатского региона наблюдается социализационный тип репродуктивного поведения. Несмотря на рост числа родителей-иностранцев и увеличение абсолютного числа рожденных от них детей, вклад этой категории в российскую рождаемость остается незначительным и не превышает 2% по всем имеющимся данным даже при падении рождаемости среди граждан РФ.

Еще одним подходом к исследованию рождаемости мигрантов является корреляционный анализ суммарного коэффициента рождаемости и миграционного прироста. Такую методологию применил для российских мигрантов А. В. Топилин. Ученый выделяет три группы стран, в зависимости от уровня рождаемости: высокий, средний и низкий. Благодаря миграционному приросту из этих стран автор оценивает, как их модель рождаемости влияет на воспроизводство населения в России в целом. Он делает акцент на том, что миграционный прирост не только обеспечивает увеличение численности населения в моменте, но и в долгосрочной перспективе оказывает влияние на рождаемость принимающей страны (Топилин, 2018). Был получен вывод, что положительная динамика суммарного коэффициента рождаемости наблюдается лишь в миграционно привлекательных регионах страны. Это косвенно подтверждает вклад мигрантов в процесс рождаемости.

Пожалуй, наименее изученным аспектом демографического поведения с точки зрения его проявления у мигрантов является самосохранительное поведение. Его определение проблематично найти в современной науке. Одно из таких исследований рассматривает проблемы поддержания здоровья среди иностранных студентов, сложности с поддержанием которого, по мнению автора, представляется социальной угрозой (Здоровье..., 2023). Т. Н. Каменева и ее соавторы подчеркивают, что большой проблемой является низкая информированность студентов о тех правах на медицинское обслуживание, которые они имеют здесь в качестве иностранных граждан. При этом студенты в целом склонны оценивать свое самочувствие и состояние здоровья положительно: почти половина указала, что чувствует себя хорошо и порядка 23% указали наличие различных видов недомогания. Среди отмеченных заболеваний иностранные студенты в подавляющем большинстве случаев говорят о психологических сложностях, связанных с психологическим дискомфортом в процессе адаптации (77,4%). Чуть более половины иностранных обучающихся покрывают свои расходы на здоровье используя полис ДМС, оплаченный государством. Более трети покрывает такие расходы из личных средств. Почти 90% студентов отметили, что диаспора не оказывает им помощь в решении медицинских вопросов.

Д. В. Полетаев в своей работе подчеркивает, что Договор о сотрудничестве стран ЕАЭС позволяет иностранным гражданам использовать полис ОМС на территории России (Полетаев, 2020). Однако, об этой возможности знает критически малое число мигрантов и еще меньшее число пользуются ей. Сравнительный анализ исследований 2016 и 2017 г. показал, что граждане Кыргызстана по мере увеличения длительности пребывания на

территории России склонны оценивать свое здоровье в более негативном ключе, особенно после 5 лет проживания в России. Автор описывает «эффект здорового мигранта», согласно которому недавно приехавшие иностранные рабочие чаще склонны оценивать здоровье положительно, поскольку на заработки приезжают трудоспособные и здоровые лица. У иностранных рабочих, в отличие от студентов, платная медицинская страховка имеется менее чем в 15% случаев. Почти четверть опрошенных предпочитает отказываться от лечения, порядка 40% обращается к врачам только в случае острой необходимости, а 17% занимаются самолечением по советам знакомых. Еще одной проблемой самосохранительного поведения мигрантов является отсутствие обязательных обследований для граждан ЕАЭС в отличие от тех, кому оно необходимо для получения патента (например, граждане Таджикистана). Уровень осведомленности о своем здоровье у граждан ЕАЭС оказывается ниже о таких заболеваниях как туберкулез и ВИЧ, особенно среди женщин. Также ученый указывает, что важную роль начинает играть диаспоральный фактор, поскольку в миграционно-привлекательных городах начинают появляться клиники с этнической направленностью в обслуживании пациентов – «киргизские клиники» (Полетаев, 2020).

Влияние различных аспектов миграционного процесса на самосохранительное поведение изучает в своей работе А. Н. Оставная (Оставная, 2022). Она отмечает, что мигранты относятся к прекарному, слабо защищенному классу, и во-многом поэтому имеют проблемы с поддержанием своего здоровья. Поэтому, необходимо рассмотреть влияние горизонтальных связей на различных этапах миграционного пути. Мигранты сами по себе являются факторами риска для собственного здоровья, не всегда воспроизводя полезные для здоровья практики, а также принимая негативные паттерны сообщества. Сообщества мигрантов в свою очередь, вместо лоббирования интересов мигрантов и продвижения информации о возможном лечении, чаще всего воспроизводят неблагоприятные условия для своих соотечественников, связанные со сверхурочным трудом и низким уровнем жизни. Страны отправления мигрантов должны адресно осуществлять медицинские обследования мигрантов как потенциальных инфекционных агентов. Принимающие же страны имеют свою климатическую специфику, а также не всегда благоприятные условия труда, что усугубляет возможность поддерживать самосохранительное поведение в процессе миграции.

Заключение (Conclusion). Подводя итог рассмотренным в рамках статьи исследованиям, мы можем отметить, что мигранты имеют свою специфику демографического поведения, обусловленную миграционной ситуацией и культурными особенностями. На основе выявленных нами специфических аспектов демографического поведения мигрантов мы можем вывести следующее определение: демографическое поведение мигрантов – это совокупность брачных, репродуктивных, самосохранительных и связанных с семейной организацией поведенческих практик и установок, формирующихся в условиях миграции под влиянием культуры страны-донора, институциональной среды принимающего общества, миграционного статуса и степени адаптации мигранта. Настоящее определение является авторским и представляет новизну работы.

Говоря о брачном поведении мигрантов, отметим, что понятийный аппарат этой сферы исследования демографического поведения достаточно обширный и не всегда четко разграниченный. В понятие мигрантской семьи включается большое число разных категорий, среди которых прежде всего можно выделить союзы мигрантов на территории России, а также межнациональные браки с местным населением. Миграция на территорию России порождает специфические формы брачного поведения, такие как семья с миграционной историей, дистантная семья, фиктивный брак или вторая семья. Статистика

брачного поведения мигрантов в России также осложнена: у нас нет достаточного понимания, какая доля отмеченных в статистике брачных союзов не является фиктивными и какое число таких союзов вообще не попадает в статистику. Согласно экспертным оценкам, для мигрантов имеют место прагматические мотивы заключения брачных союзов. В случае заключения межнационального брака, такой союз будет связан с поиском компромисса в соблюдении культурных традиций. При этом, частым условием будет являться смена религии российским партнером.

Репродуктивное поведение мигрантов балансирует между различными моделями в зависимости от страны и модели адаптации. Анализируя репродуктивное поведение мигрантов в России, стоит отметить, что вопреки распространенному мнению о высокой рождаемости представителей Центрально-Азиатских регионов, их вклад в общую рождаемость в России остается не таким значительным, однако растет в последнее десятилетие и связан прежде всего с рождением вторых и последующих детей. Среди родителей-иностранцев число мужчин-мигрантов превалирует. Большая часть иностранных рождений приходится на Северо-Западный, Центральный и Дальневосточный федеральные округа. В качестве источников данных о репродукции мигрантов можно использовать базы данных органов ЗАГС о гражданстве родителей и числе детей, рожденных иностранцами за 2011-2023 гг., а также данные Всероссийской переписи населения 2010-2020 гг. Более актуальная статистическая информация недоступна в настоящее время. Источниками информации об иностранном компоненте рождаемости также являются социологические исследования, которые позволяют восполнить статистические пробелы и оценить мотивационный аспект репродуктивного поведения.

Артикулируя полученные сведения о самосохранительном поведении мигрантов, стоит отметить, что на настоящий момент это одна из наименее изученных проблематик. В теоретическом осмыслении процесса доминирует эффект здорового мигранта, в рамках которого вновь прибывшие иностранцы более положительно оценивают свое здоровье, чем после длительного пребывания. Для мигрантов существует большое количество рисков в рамках самосохранительного поведения, которые связаны как с самими мигрантами, их сообществами, отправляющими и принимающими странами. Одним из наиболее значимых аспектов является низкая информированность как образовательных, так и трудовых мигрантов о возможностях поддержания своего здоровья в стране пребывания. Многие мигранты выбирают отказ от лечения либо обращение к врачам в экстренных ситуациях. При этом ослабление миграционного законодательства зачастую не ведет к упрощению самосохранительного поведения, а наоборот позволяет мигрантам избегать дополнительных медицинских обследований и снижает их информированность о своем здоровье.

Мы можем говорить о таком аспекте адаптации и интеграции мигранта, как демографический, согласно которому экономическая адаптированность и функциональная интеграция дают мигранту возможность расширить сферы деятельности в принимающем сообществе в том числе в вопросах создания своей семьи или ее перемещения в страну пребывания. Сформированное демографическое поведение мигранта может являться признаком его успешной интеграции в принимающее сообщество и быть отдельным аспектом адаптационной стратегии.

Полученные выводы позволят нам акцентировать внимание на выявленных особенностях демографического поведения и его составных аспектах. Обозначенные особенности будут учтены нами в рамках дальнейшего проведения самостоятельного эмпирического исследования демографического поведения мигрантов.

Список литературы

- Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 144-155. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155.
- Здоровье мигрантов в контексте глобализационных образовательных процессов / Каменева Т. Н., Кунилова К. Д., Надуткина И. Э., Знахарчук Ф. Р. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 157-165. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-2-157-166. EDN: IEBLXY.
- Казенин К. И. Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели (обзор зарубежных исследований) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 4. С. 6-79. DOI: 10.17323/demreview.v4i4.7528.
- Кононов Л. А., Леденева В. Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 103-112. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112.
- Леденева В. Ю. Формы и модели социальной адаптации и интеграции мигрантов // Политика и общество. 2015. № 6(126). С. 717-728. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.6.10786. EDN: UBIDVL.
- Мокин К. С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде. Автореферат ... докт. социол. наук. Саратов, 2007. 40 с. EDN: SNDFKP.
- Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 334 с.
- Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Кочербаева А. А. Репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии в Московской агломерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 78-91. DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.5. EDN: OFLPIM.
- Оставная А. Н. Роль субъектов миграционного процесса в решении проблем здоровья мигрантов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. № 2. С. 162-174. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.12. EDN: VIKHGI.
- Пешкова В. М. «Русские» жены мигрантов: семейные границы и повседневные практики интеграции в смешанных браках // Теория и практика общественного развития. 2025. № 12. С. 84-91. DOI: 10.24158/tipor.2025.12.9.
- Пешкова В. М. Отношение к бракам с мигрантами как показатель социального взаимодействия и уровня ксенофобии (на примере Москвы) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6 (178). С. 171-196. DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2476.
- Полетаев Д. В. Здоровье трудовых мигрантов из ЕАЭС в России (на примере мигрантов из Киргизии) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 521-541. DOI: 10.47711/2076-318-2020-521-541.
- Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 68-91. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6.
- Тонких Е. В. Оценка влияния миграции из стран Центральной Азии на уровень рождаемости в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 6. С. 243-259. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.13.
- Тонких Е. В., Пешкова В. М. Рождаемость среди мигрантов из стран Центральной Азии в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2025. № 1. С. 49-56. DOI: 10.24158/tipor.2025.1.5. EDN: ZUTDOA.
- Топилин А. В. Влияние миграционных процессов на демографическую динамику и рождаемость в российских регионах // Наука. Культура. Общество. 2018. № 4. С. 59-66. EDN: VNVQUF.
- Турдимуратова Г. Р. Семейные узы вдали от дома: как мигранты строят свои брачные стратегии в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. № 1. С. 65-70. DOI: 10.24412/2220-2404-2026-1-25.
- Эндрюшко А. А. Брачный выбор иммигрантов в России: основные характеристики и связь с интеграцией // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 17-30. DOI: 10.31857/S013216250026581-2.

Юдина Т. Н. Классические и современные теории миграции в западной традиции // Социология миграции. Учебное пособие для ВУЗов. М., 2006. 272 с.

References

- Ilimbetova, A. A. (2021), "Adaptation and integration of migrants: conditions, goals, approaches", *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, (2), 144-155, DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155. (In Russian)
- Kameneva, T. N., Kunilova, K. D., Nadutkina, I. E., Znakharchuk, F. R. (2023), "Migrant health in the context of globalizing educational processes", *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, (2), 157-165, DOI: 10.24412/2071-6141-2023-2-157-166, EDN: IEBLXY. (In Russian)
- Kazenin, K. I. (2017), "Birth rate in migrant families: data, hypotheses, models (review of foreign studies)", *Demograficheskoe obozrenie*, 4(4), 6-79, DOI: 10.17323/demreview.v4i4.7528. (In Russian)
- Kononov, L. A., Ledeneva, V. Yu. (2021), "Adaptation and integration of international migrants: theoretical and methodological problems", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65 (4), 103-112, DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112. (In Russian)
- Ledeneva, V. Yu. (2015), "Forms and models of social adaptation and integration of migrants", *Politika i obshchestvo*, (6(126)), 717-728, DOI: 10.7256/1812-8696.2015.6.10786, EDN: UBIDVL. (In Russian)
- Mokin, K. S. (2007), *Strategii adaptatsii etnicheskikh migratsionnykh soobshchestv v polikulturnoi srede* [Strategies for the adaptation of ethnic migration communities in a multicultural environment], Abstract of the Doctor of...sociological sciences, Saratov, Russia, EDN: SNDFKP. (In Russian)
- Naselenie Rossii 2009: Semnadtsatiy ezhegodnyi demograficheskiy doklad [Population of Russia 2009: The Seventeenth Annual Demographic Report] (2011), ed. by A. G. Vishnevsky, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, 334. (In Russian)
- Osadchaya, G. I., Yudina, T. N., Kocherbaeva, A. A. (2023), "Reproductive behavior of migrants from Central Asian countries in the Moscow agglomeration", *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 3 (4), 78-91, DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.5, EDN: OFFLPIM. (In Russian)
- Ostavnaya, A. N. (2022), "The role of subjects of the migration process in solving the health problems of migrants", *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, (2), 162-174, DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.12, EDN: BIKHGG. (In Russian)
- Peshkova, V. M. (2025), "Russian" migrant wives: family boundaries and everyday integration practices in mixed marriages", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (12), 84-91, DOI: 10.24158/tipor.2025.12.9. (In Russian)
- Peshkova, V. M. (2023), "The attitude towards marriages with migrants as an indicator of social interaction and the level of xenophobia (in the example of Moscow)", *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 6 (178), 171-196, DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2476. (In Russian)
- Poletaev, D. V. (2020), "The health of labor migrants from the EAEU in Russia (on the example of migrants from Kyrgyzstan)", *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN*, (18), 521-541, DOI: 10.47711/2076-318-2020-521-541. (In Russian)
- Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Y. (2022), "The influence of external migration on marriage and fertility in modern Russia", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (1), 68-91, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6. (In Russian)
- Tonkikh, E. V. (2024), "Assessment of the impact of migration from Central Asian countries on the birth rate in Russia", *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 17 (6), 243-259, DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.13. (In Russian)
- Tonkikh, E. V., Peshkova, V. M. (2025), "Birth rate among migrants from Central Asian countries in Russia: the regional aspect", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (1), 49-56, DOI: 10.24158/tipor.2025.1.5, EDN: ZUTDOA. (In Russian)
- Topilin, A. V. (2018), "The influence of migration processes on demographic dynamics and fertility in Russian regions", *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, (4), 59-66, EDN: VNVQUF. (In Russian)
- Turdimuradova, G. R. (2026), "Family ties away from home: how migrants build their marriage strategies in Russia", *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, (1), 65-70, DOI: 10.24412/2220-2404-2026-1-25. (In Russian)

Andreushko, A. A. (2023), "The marriage choice of immigrants in Russia: main characteristics and connection with integration", *Sociological research*, (7), 17-30, DOI: 10.31857/S013216250026581-2. (In Russian)

Yudina, T. N. (2006), "Classical and modern theories of migration in the Western tradition", *Sociologiya migracii* [Sociology of migration. Textbook for universities], Moscow, Russia, 272. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 22 июня 2026 г. Поступила после доработки 26 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 22 June 2026. Revised 26 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник Центра исследования миграционных процессов, трудовых ресурсов и рынка труда Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Maria V. Roslavl'tseva, Junior Researcher at the Center for the Study of Migration Processes, Labor Resources, and the Labor Market of the Institute of Social Demography, FCTAS RAS, Moscow, Russia.